

Виктор Вургафтик

МЫСЛИ О ПОЗНАНИИ

Ноябрь-декабрь 1986

1. О безличной реальности нельзя сказать, что она одна, но и нельзя сказать, что она множественна. Она подобна физическому полю. Однако этим я не приписываю ей зависимости от пространственных и временной координат. Помня это, я буду называть реальность полем, что будет указывать, говоря приближённо, на её непрерывность, на то, что она и не одна, и не множественна.

2. Чтобы увидеть поле реальности, мы выделяем его часть и попавшее в неё соединяем. Способ выделения я назову рамой, а способ соединения композицией. Рама в той или иной мере зависит от нас, композиция, при данной раме, тоже в какой-то мере зависит от нас. Например, мы можем наложить на поле такую раму и применить такую композицию, что увидим надвигающуюся на луну тень земли – вместе с людьми, получившими научное воспитание; но, применив при той же раме другую композицию, мы увидим поглощающее луну чудовище – вместе с членами одного из южноамериканских племён (*)

(*) Поле подобно бесконечной стене с расплывчатыми пятнами. Рассматривая её, мы вынуждены в данный момент ограничиться какой-то её частью, и это ограничение является подобием рамы. При этом мы невольно соединяем попавшие сюда пятна в некий предмет – лицо, корабль, птицу или др., и это соединение будет подобием композиции. При решении какой-либо задачи в теоретической физике рама есть определение того, чем в этой задаче можно пренебречь, а композиция – соединение оставшегося подходящими уравнениями.

3. Благодаря определённой раме и композиции поле кажется нам определённой вещью – солнцем, рекой, тенью земли, надвигающейся на луну, зависимостью ускорения тела от действующих на него сил и т.п. Эти рама и композиция, т.е. выделение и соединение, являются высказыванием – той вещи, которую мы благодаря им получаем; высказыванием в этом смысле может быть не только предложение, но и другое словосочетание или отдельное слово, такое, как "луна", "дерево", но не такое, как "зелёный", "бежать" и т.п. Таким образом, без высказывания мы ничего не видим, и оно, а с ним и видимая через него вещь, в какой-то мере зависит от нас. Не может быть такого видения вещи, в котором мы так или иначе не называли бы её, не говорили бы вслух или про себя: "это – дерево" или просто: "дерево", в крайнем случае: "нечто", "оно", "то" или "это"; но, говоря: "нечто", мы видим уже не дерево, а именно нечто –

либо из-за неполного внимания, либо по иной причине, это уже другая композиция. Итак, видение вещи неотделимо от её названия.

4. Нельзя сказать, что данная вещь – вне нас, так как вне нас нет рамы и композиции. Однако нельзя сказать, что она – внутри нас, так как внутри нас нет поля реальности, которое её составляет. Вещи не объективны и не субъективны. Так называемые объективные вещи, или объективные факты, – это те, которые получены посредством рамы и композиции, сходных у большинства людей данного региона в данную эпоху. Эти вещи большинство видит более или менее одинаково. Они являются предметом науки. Вещи же, или факты, называемые субъективными, получаются посредством рамы и композиции, совершенно различных у людей, которые не близки друг другу, и потому имеют у них мало общего. Эти вещи являются предметом искусств.

5. Чтение написанного состоит в выделении некоторых значков и соединении их друг с другом. Это отчётливо видно в тех случаях, когда написанные слова не разделены промежутками, как в старых книгах, или беспорядочно разбросаны, как бывает на страницах юмора. Результатом этого выделения и соединения является высказывание, произносимое вслух или про себя, – единство некоторого имени и созерцания; при этом под именем я понимаю название любой вещи – не только такой, как солнце или река, но и такой, как нахождение тени земли на луну или зависимость ускорения тела от сил, которые на него действуют. Обратим внимание на то, что видение той или иной вещи, состоящее в выделении части поля и соединении попавшего в неё, результатом которых является единство некоторого имени и созерцания, существенно не отличается от чтения (**).

(**) Я не отделяю друг от друга действий, известных как восприятие и представление, называя то и другое иногда видением, иногда созерцанием. Если скажут, что восприятие – это непосредственное видение вещи, а представление – её видение по сообщению других или воспоминанию, то ведь с этой точки зрения мы и тогда, когда смотрим на солнце или звезду, видим их совсем не непосредственно, а через посредство излучаемого ими света, и не можем быть уверены, что видимая нами звезда давно не погасла. В случае вещи, которую мы своими глазами не видим, роль света играют люди, письма, книги и т.п., в случае же прошлой вещи – клетки мозга, хранящие о ней память. Одни сигналы идут к нам из иного места в пространстве, другие – из прошлого момента времени. Я говорю всё это на языке тех, кто отделяет представления от восприятий. Сказать же я хочу одно – что это отделение ничем не оправдано. Мы одинаково хорошо чувствуем реальность, когда видим горы на обращённой к нам стороне луны и когда читаем описание гор на противоположной стороне, а также созерцая событие, происходящее у нас перед глазами, и событие, свидетелями которого мы были в прошлом. И, наконец, рама и композиция нужны нам не только для того, чтобы увидеть вещь в свете, но и для того,

чтобы увидеть её в потоке сообщений или памяти: читая или слушая о вещи, мы должны выделить некоторые пятнышки или звуки и соединить их между собою, только тогда мы получим её созерцание; вспоминая же о ней, мы сможем её созерцать лишь в результате выделения её деталей из всего вспоминающегося и их соединения.

Таким образом, видение какой-либо вещи можно считать чтением поля. На саму же вещь можно смотреть как на выделенные и соединенные друг с другом значки, т.е. как на видимое или слышимое имя, которое всегда влечёт за собою созерцание. Как и всякое имя, видимое или слышимое нами, вещь не вне и не внутри нас.

6. Между нашими высказываниями мы устанавливаем некоторые отношения и таким образом получаем новые высказывания, содержащие прежние. В частности, новая научная теория содержит прежнюю теорию и высказывания вещей, или фактов, которых прежняя теория высказать не могла, а, кроме того, высказывает множество новых фактов; в ней между прежней теорией и не укладывавшимися в неё высказываниями существуют определённые отношения. Но отношение между высказываниями не означает, что имеется какое-то соответствующее ему отношение в поле, т.е. в реальности. Оно может только дать такое содержащее их высказывание, которое будет применимо к полю, т.е. будет рамой и композицией, ведь они лишь в какой-то мере зависят от нас. В этом случае посредством новых рамы и композиции мы увидим новые вещи, новые факты. Такое новое высказывание, и, в частности, новая теория, называются правильными. Например, специальная теория относительности связала определённым отношением классическую механику и констатацию того, что скорость световой волны одинакова по отношению к движущимся друг относительно друга системам отсчёта, и оказалась такими рамой и композицией, посредством которых увидели зависимость массы частиц от их скорости, зависимость от системы отсчёта времени между двумя событиями и многое другое. Однако нельзя сказать, что установленным ею отношениям соответствуют некоторые отношения между частями самой реальности, – так же как нельзя сказать, что в реальности независимо от нас есть какие-то части, соответствующие высказываниям, связанным этими отношениями. Иными словами, мы не можем считать, что установленные нами отношения свидетельствуют об отношениях реальных.

7. Наши высказывания соответствуют лишь вещам. Но вещь нельзя считать реальностью, так как в реальности нет рамы и композиции, которые создают для нас вещь. И вместе с тем её нельзя считать нереальной: наша мысль создаёт её из поля реальности. Мы не можем сказать о вещи ни того, что она существует, ни того, что она не существует. Отношение же между вещами – например, между ветвью и стволом или ускорением и силами – есть лишь отношение между образующими их высказываниями и входит в композицию

построенной из этих вещей бóльшей вещи – дерева, зависимости ускорения тела от сил, действующих на него, и т.п. (***)). Таким образом, оно не существует так же, как не принадлежащие реальности рама и композиция, высказывание, мысль, если взять их самих по себе, вне связи с полем.

(***) Когда мы говорим о зависимости ускорения тела от действующих на него сил, то имеем в виду и это тело, и тело отсчёта, без которого у него не может быть никакого ускорения, и телá, действующие на него с этими силами, т.е. говорим о группе вещей, связанных этой зависимостью, – о построенной из них бóльшей вещи. Говоря же об отношении между вещами, я имею в виду саму связь. Например, ускорение как вещь представляет собою связанные этой физической величиной данное тело и тело отсчёта, а ускорение как отношение – сама эта величина; сила как вещь – это два тела, одно из которых действует с этой силой на другое и тем самым связано с ним, а сила как отношение – только сила. Любое так называемое свойство можно понимать как вещь, которая им обладает, и как свойство само по себе; в этом втором понимании оно и будет отношением.

8. Элементарное высказывание представляет собою отдельное слово «S». Пусть это слово применимо к полю реальности. Тогда оно есть уже и рама, и композиция, которые, таким образом, нераздельны. Этим двойным актом оно творит вещь и дает ей имя «S». Если же мы говорим «S есть не S», то рама создаваемой вещи уничтожается, а тогда уничтожается и её композиция. Итак, это высказывание создаёт уничтожающуюся вещь. Так как оно нарушает логический закон противоречия «S не есть не S», то может быть названо алогизмом. Высказывание же «S не есть S» создает вещь, у которой уничтожается композиция, а тогда и рама, значит, тоже уничтожающуюся вещь. Оно нарушает логический закон тождества «S есть S», т.е. представляет собою алогизм. Первый алогизм я буду называть противоречием, а второй – неопределённым отрицанием. Мы не можем видеть само поле, мы видим лишь вещи, формируемые из поля нашими высказываниями. Но, если видимая нами вещь разрушается, мы прикасаемся к полю, в котором она исчезает. Поэтому через противоречие и неопределённое отрицание мы можем уловить поле реальности.

9. Мы говорили, что вещь нельзя считать реальностью, хотя нельзя считать и нереальной. Если мы скажем это о вещи «S», то получим высказывание:

«S не есть реальность»,

не означающее, что вещь «S» нереальна. Оно создаёт вещь, рама и композиция которой уничтожаются, т.е. вещь разрушающуюся. Поэтому оно, так же как противоречие и неопределённое отрицание, позволяет уловить само поле реальности. Это высказывание можно называть отрицанием существования.

Слово «S» применимо к полю, т.е. создаёт для нас вещь. Обычно предполагается, что она существует. Иначе говоря, общепринято высказывание «S есть реальность», которое на этом основании можно считать логическим законом. Этот закон существования, не формулируемый явно, но подразумеваемый, и нарушается отрицанием существования. Таким образом, отрицание существования является алогизмом.

10. Все сказанное о поле, о раме и композиции, о вещи, о высказывании относится не только к вещам, или фактам, называемым физическими, – солнцу, дереву, зависимости ускорения тела от действующих на него сил и т.п., но и к вещам, или фактам, называемым психологическими, например, ощущению холода, тревоге, радости, представлению солнца. Нельзя сказать, что эти вещи состояются нами из другого поля реальности: реальность и не одна, и не множественна. Нельзя также сказать, что видимая нами психологическая вещь – внутри нас, так как внутри нас нет реальности, мы имеем лишь раму и композицию, высказывание, мысль, но эта вещь и не вне нас, так как там нет рамы и композиции. Она тоже не субъективна и не объективна. Наша радость имеет к нам такое же отношение, как и солнце. Однако следует различать мысль, дающую нам созерцание чего-то другого, и такую же мысль, когда мы созерцаем её саму: первая является только рамой и композицией, вторая же – психологической вещью, фактом. Таким образом, психологические вещи отличаются от физических не полем и не субъективностью. Те и другие различаются типом рамы и композиции. Достаточно заметить, что солипсист даже солнце считает субъективным – частью состояния своей души, а материалист и свою радость считает объективной – состоянием части своего мозга, первый всегда налагает на реальность раму и композицию одного типа, второй – раму и композицию другого. К психологическим вещам относится и то, что говорилось об алогизмах: в каждом алогизме «S» может быть и психологической вещью, тогда он создаёт психологическую вещь, которая уничтожается, т.е. исчезает в поле; при этом мы, созерцая её, прикасаемся к реальности.

11. Обычный грех познания состоит в том, что безличные вещи полагаются реальными, существующими, а также в том, что они делятся на объективные и субъективные. Но, если реально субъективное, т.е. находящееся внутри нас, то реальны мы сами. В действительности мы грешники, мы умерщвлены своим грехом; как говорит апостол Павел, «грех ожил, а я умер» /Рим.,7, 9-10/. Таким образом, к этому греху познания приводит непонимание радикальности своего греха, который и устраняет нас от поля реальности. С другой стороны, приписывая реальность тем формам, которые создают наши рама и композиция объективистского типа, мы населяем внешний мир плодами своего воображения, т.е. в какой-то мере повторяем грех язычества.